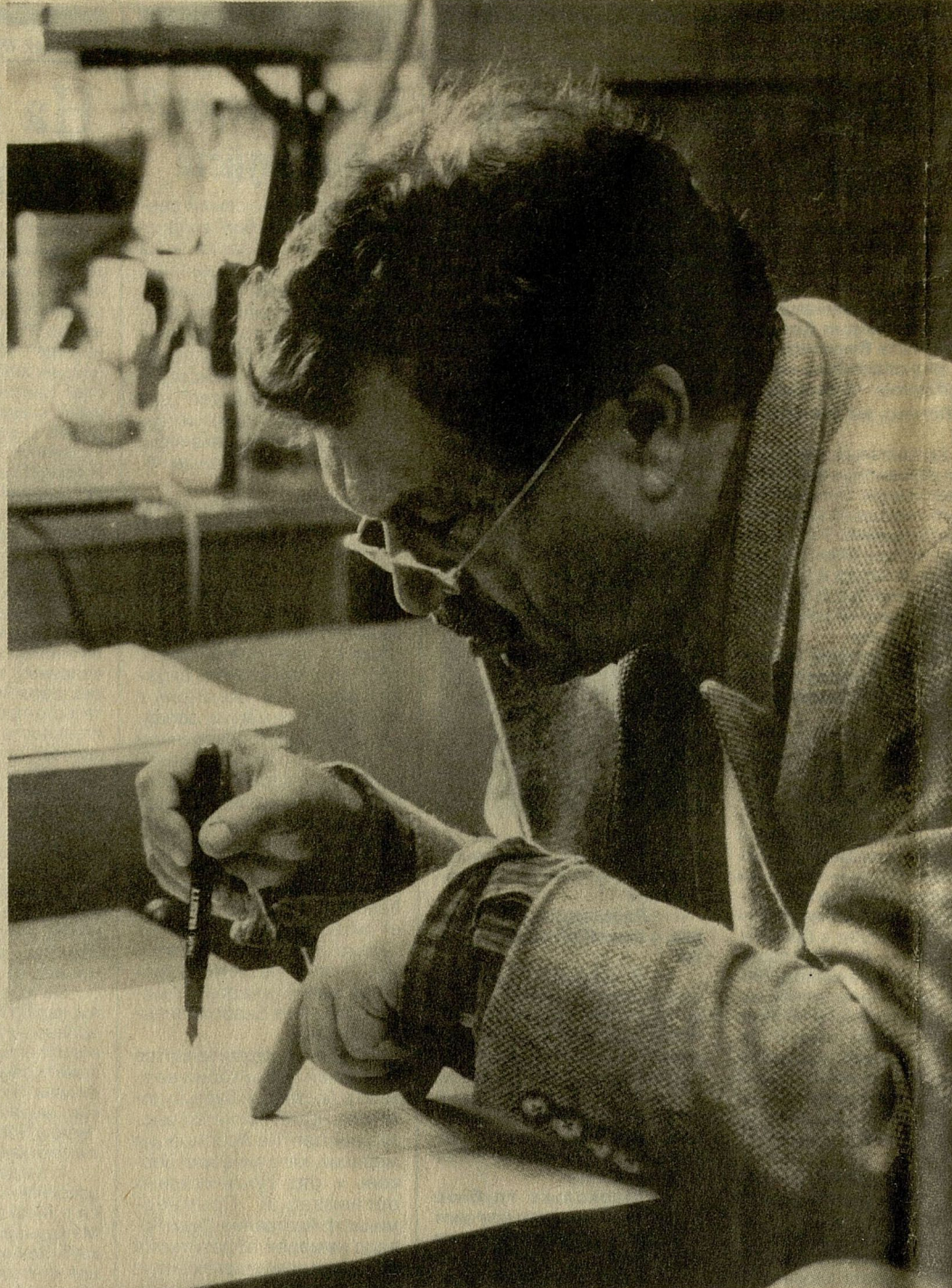


Аксенов Василий

Ber. myd. - 1996 - 11 winter - c. 7.

Василий Аксенов метеором ворвался в нашу литературу в былинные шестидесятые годы, явив собой пример того, как можно в одночасье проснуться знаменитым. Потом наступили "трезвые" 70-е, в течение которых Аксенов продолжал писать. Активно писал он и в агонизирующие 80-е. Пишет и сейчас, в 90-е, что абсолютно нетипично для поколения шестидесятников, которые либо поголовно занялись менторством, либо подвизаются свадебными генералами. Аксенов же упорно пишет, закаляя тело ежеутренними десятикилометровыми пробежками, а дух бескомпромиссной борьбой с сопротивлением чистого листа. Уникален и гражданский опыт писателя, попав на Запад, не стал приживальцем одного из тамошних литературных или эмигрантских фондов, а достойно зарабатывает свой хлеб в университете американской столицы. Мы встретились с Василием Павловичем в высотке на Котельнической набережной, куда он приезжает на время студенческих каникул дважды в году. И он, казалось бы, отгороженный от наших политических страстей океаном, тем не менее заговорил о политике.



ОЖОГ

— Я считаю, что огромное напряжение, которое накануне выборов существовало в обществе, вызвано колоссальной ошибкой демократов, не запретивших в свое время коммунистическую идеологию. Надо было поступить, как в Германии, где искоренили нацистскую идеологию. Ведь наша человеконенавистническая "теория" погубила столько людей, изуродовала несколько поколений. Но это, конечно, не означает, что нужно преследовать миллионы бывших членов партии. Они сами были жертвами этой идеологии. Просто их надо освободить от нее, чтобы они смогли почувствовать себя свободными гражданами.

— Значит, корни еще остались?

— Да, что-то еще, конечно, есть, ощущается. Если бы страну оставили в покое разные проходимцы — и политические, и криминальные — Россия стала бы быстро выкарабкиваться. И, конечно, надо подавлять в себе впечатанное с рождения недоверие к нашим братьям по христианской цивилизации, недоверие к Западу. Запад — это единственное направление, которое Россия в историческом смысле может себе позволить. Без этого она окажется в одиночестве.

— Много ли, на ваш взгляд, решалось на предстоящих выборах?

— Да практически все. Я был измучен этим агонизирующим ожиданием. Именно в эти дни я почувствовал сильную близость к России. И надеялся, что красные не пройдут, что у народа хватит рассудка не покончить жизнь самоубийством. Иначе был бы просто конец. Разумеется, это было бы, что называется, лебединая песня большевиков — без каламбура в адрес нового политического союзника. Они уже украли у России 70 лет двадцатого века.

— Как вы относитесь к новому политическому союзу Ельцина и Лебедева?

— Иногда мне импонирует этот генерал. Вначале, когда он пришел, мы как-то болтали с друзьями журналистами, и я сказал, что в Лебедева соединились Чацкий, и Скалозуб. Ему надо очень сильно над собой работать, чтобы появился цельный образ человека, который может претендовать на руководство державой. У него, по моему, есть эти способности, у него подвижный ум. Но он совершенно не знает мира. Когда Лебедь начал говорить о религиозных группах и упомянул мормонов вместе с "Аум сенрике", то это выглядело очень странно. Ему надо поехать по миру, поговорить с разными людьми, увидеть, где как живут, чтобы понять, как здесь распределяется геополитика. Не дай Бог следовать идеологической геополитике Проханова. Кожнова или каких-то других псевдопатриотов. Он должен составить свое мнение о происходящих процессах. А дальше все зависит от него. Во всяком случае, если он действительно поможет Президенту удержать власть, то есть опять выручить всю страну, спасти ее — это будет здорово. Это будет колоссальный кредит в его пользу.

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

— Не собираетесь ли вы вернуться Россию?

— Нет, я об этом даже не думаю. Да и что значит в современном мире место проживания, когда человек может свободно перемещаться из страны в страну. Я работаю и от этой работы отказываться не собираюсь. Человек должен жить там, где он работает. А когда выйдешь на пенсию, то посмотри, где мне захочется жить. Сейчас же я этого не знаю. Но уверен, в любом случае часть своего времени по-прежнему буду проводить в России.

Когда долго находишься в другой стране (в моем случае — уже почти шестнадцать лет), то это неизбежно накладывает определенный психологический отпечаток, у тебя уже вырабатываются какие-то привычки места и стиля жизни. А к тому же некий космополитизм присутствует и в моем тексте... И в Москве есть квартира, и мы приезжаем и живем здесь как москвичи. Потом уезжаем, живем как вашигтонцы. У меня нет квадного патриотизма, чтобы рвануть рубаху на груди и закричать: "Я русский русский! Полувеврей..." Кстати, у евреев тоже часто наблюдается несколько истерическое ощущение родины. Будут деньги, будет здоровье, то я буду жить и там, и здесь.

— Сказывается ли длительное проживание вне русской языковой культуры?

— Да, к сожалению, очень сказывается. Я сейчас пишу роман из американской жизни. Там главный герой русский, но все вокруг американское. Вначале я писал спонтанный черновик и старался как можно быстрее высказаться, не загоняя импульс в долгий ящик. И вдруг начал ловить себя на том, что меня тянет перейти на английский. И пожалуй, треть этого черновика написана по-английски. Особенно когда речь идет об американских персонажах. Сейчас я пишу второй вариант — известно, что роман надо писать не менее двух раз. И чувствую, не то, что мне не хватает русских слов, все они при мне, но есть некоторые понятия, которые трудно выразить по-русски. Дает себя знать тот культурный слой, который я приобрел за пятнадцать лет жизни в Америке.

— В русском языке появился новый сленг. И это тоже, наверное, прошло мимо вас?

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

Сейчас никто не хочет становиться гением

— Я выпустил книгу рассказов о посткоммунистической Москве, в которой использую новый язык. И мне кажется, вполне уместно. Вначале, когда приехал впервые после девяти с половиной лет отсутствия, у меня была какая-то неловкость по отношению к новому сленгу, было неудобно его употреблять, потому что я чувствовал себя чужим. А сейчас, по мере того, как я каждый год приезжаю, это ощущение прошло.

Мне не очень удобно употреблять здесь англицизмы. Или не очень грамотные обороты, которые вошли здесь в речь в последнее время. Причем эти новообразования захватили все слои населения, в том числе и культурные. Скажем, когда говорят "достаточно" в смысле "довольно", "К сожалению, были достаточно многочисленные жертвы"! Или выражение "столько много", оно сейчас звучит повсюду, даже на устах у высококолых интеллектуалов. Очень много неправильных употреблений предлогов... Когда говорят, что русскому языку угрожает большая опасность, то я с этим согласен. Дальше говорят, что опасность исходит от английского языка. Это полная чушь. Мы сами жутко уродуем свой язык.

ПОИСКИ ЖАНРА

— Кто из писателей повлиял на ваше творчество в раннем периоде?

— Ну, начинать-то надо, наверное, с детства, поскольку там очень много закладывается. И лет в одиннадцать я прочел "Войну и мир". И с тех пор это моя самая любимая книга. И потом прошел через все необходимые для интеллигентного мальчика книги. А поскольку юность моего поколения прошла в полной изоляции от остального мира, то мы получали скудную информацию. В то время даже Достоевский был изъят из библиотек. Поэтому мы смутно понимали, что в нашей культуре было что-то огромное. Например, благодаря тому, что Маяковский был канонизирован, мы узнавали литературу его окружения — Серебряный век. Были клочки из довоенных публикаций западных писателей. Если вспомнить мои первые литературные опыты, то они совпали с публикацией западных авторов 20—30 годов: Ремарк, Хемингуэй, Джон Дос Пассос, Фолкнер... А уж потом началось колоссальное увлечение Серебряным веком, который пришел позже западных писателей. Я тогда был очень вдохновлен, хотя был не первой молодости... Очень с большой теплотой вспоминаю Валентина Петровича Катаева. Это был настоящий писатель, несмотря на весь его конформизм. Он невероятно любил литературу, обладал прекрасным вкусом. Катаев, собственно говоря, и вытолкнул меня в литературу. И его слог, его проза повлияли на меня весьма сильно.

— Его ранние вещи или "Алмазный мой венец"?

— Ну в то время я уже был самостоятельным человеком. Но ведь до опубликования "Алмазного мой венец" существовал в устном варианте. И когда мы с ним общались, он своими рассказами создавал вокруг себя атмосферу тех давних лет. Катаеву очень льстило, что молодые писатели стали к нему приходить... Помню, что Эренбург как-то сказал по этому поводу: "Интересный процесс происходит: вы, молодые перепрыгиваете через отцов к дедам". То есть к осколкам Серебряного века над социалистическими башками.

— А способствовал ли как-нибудь ваша первая — медицинская — профессия писательству?

— Да, для писателя медицинское образование — это изрядная помощь. И уж наверняка это не вредит делу. Даже предлагает какие-то взгляды на человека и на человеческое общество, которые ты не можешь получить, не пройдя через это. Многие писатели проходили через медицину, а это о чем-то говорит.

Потом вдруг обнаружилась медицинская струя в трилогии "Московская сага", где главный герой оказался врачом. Самая важная тема, которая возникает к концу, является метафизическим отражением моего медицинского опыта — "боль и обезбоживание". Мой герой рассуждает о том, что такое боль и что такое обезбоживание.

— В отношении вас справедливо выражение: "Лег спать и проснулся знаменитым". Почему, на ваш взгляд, эта формула успеха не действует в писательской среде сейчас?

— В каком-то смысле нашему поколению повезло. Мы прорвались в маленький коридорчик свежего воздуха. После XX съезда и до 63-го года. Потому что в 63-м году они снова стали закручивать гайки. Тогда было, конечно, гораздо легче заявить о себе, потому что народ уже до того стосковался по любому свежему слову, что набрасывался на него очень жадно. Воздух был таким, что народ валил валом на поэтические действия, ища ответов, часто находя их или воображая их себе. Это было настроение авангарда. Ведь авангард невозможен без массового подъема, массового вдохновения. Молодежное движение 10-х годов было массовым движением авангарда. На этом фоне возникали великие поэты. И в 60-х годах тоже был такой подъем. Благодаря ему мы все и появились. Потом началось похмелье, и власть начала все закручивать. Новая молодежь уже уходила в борготу. И вовсе не от того, что они были менее талантливы, но уже климат был не тот, уже иссякло это массовое вдохновение. Поэтому признание у последующих задержалось. Да оно уже и не требовалось, поскольку оно не витало в воздухе. А сейчас странная ситуация. Казалось бы, должно возникнуть вдохновение. Но его нет — пока что. Оно, конечно, возникнет, но пока развал этого дерьма порождает такие миазмы, что еще ничего не очистилось. Пока еще существует, а выдохновение.

— А вы не связываете это с захлестнувшим страну мощным потоком массовой культуры?

— Есть и это. Но это есть и в Америке. Я помню, как там один критик писал с горечью: "Никто не хочет становиться гением!" А это тоже, кстати говоря, проявление массового вдохновения. Я помню, что, когда мы встречались в 60-е годы, самая любимая фраза была: "Ты гений, старик!". Сейчас этого никто не говорит, даже в ироническом смысле. И этот американский критик совершенно справедливо утверждает, что все эти мальчики 20-х годов, так называемое потерянное поколение, на самом деле не были потерянными. Это были люди массового вдохновения, они жаждали быть первыми. Хемингуэй хотел быть первым писателем! И Фицджеральд тоже хотел быть первым! И Джойс тоже. Все они хотели быть самыми первыми. И они стали таковыми. В американской литературе сейчас много мастеровитых людей с высокой эрудицией, колоссальные интеллектуалы, знатоки всяческих конструкций и гипертекстов. Но стремления к цели, я бы сказал, байронического характера еще не возникло. А без этого невозможно создание великой литературы.

— Вы считаете эту ситуацию общими-ровной?

— Я не знаю, чего ждать от Китая. С одной стороны, там колоссальная тоталитарная жаба, а с другой — там молодежь сейчас бурлит. Какие чудные лица были на площади Тяньаньмынь перед тем, как их уничтожили. Там может быть колоссальный взлет. А Америка шла десятилетия за десятилетия довольно вяло — строили материальную культуру. Вдруг — всплеск колоссального духовного движения, пусть сумбурно, смешного, глупого, но тем не менее колоссального. И возник рок-н-ролл. А это огромная культура. Так что и у нас здесь что-то возможно. Но нам надо наесться сначала. А когда это все отойдет на второй план и уже не надо будет сильно вертеться по поводу быта, тогда в России неизбежно возникнет массовое вдохновение. Россия не может быть пустым полем.

КОЛЛЕГИ

— Каковы ваши взаимоотношения с писателями в Америке и в России?

— В Америке писатель ассоциируется с университетом. В университете, где я работаю, довольно большая группа профессиональных литераторов. Так что я обитаю в среде американских писателей. Что касается наших, тут несколько сложнее, потому что Вашингтон в отличие от Нью-Йорка не является русским литературным местом. Поэтому писательские общения с русскими коллегами происходят в основном в Нью-Йорке, где я бываю случайно. Можно сказать, я живу в стороне от русской литературы. Не тусуюсь. Но и в Москве не тусуюсь тоже.

— Означает ли это, что изменились взаимоотношения со старыми знакомыми?

— Нет, старые друзья так и остались друзьями.

ми. Просто я бываю здесь не столь долго, чтобы войти в этот тусовочный круговорот. А почти все без исключения литераторы живут в Москве такой светской литературной жизнью. Это, конечно, весело — такой перманентный карнавал, но порой наблюдать все это довольно противно. Раньше не было такого, чтобы почти каждый день люди ходили на какие-то презентации, коктейли. Мы тоже в Москве шлялись в свое время, но это происходило гораздо реже. В этом не было самодавяющего элемента. Примечательно, что люди, не участвующие в этом круговороте, по сути остаются за бортом литературной жизни. Но меня это совершенно не угнетает, мне такая жизнь неинтересна и не нужна. Мои вещи здесь печатаются. Я их оставляю на произвол судьбы, поскольку не могу сам замолвить за них словечко.

— Тусовки — это рекламный механизм. — Да, это так. Но мне кажется, что в Париже или Нью-Йорке этот элемент не достиг такой интенсивности, как здесь.

— Там, по-видимому, большее значение имеет качество текста, а не узы совместной для писателя и издателя пьянки.

— Да, там не в такой степени. Определенный божественный элемент, конечно, присутствует, но он не имеет того противоречащего здравому смыслу размаха.

ЗАТОВАРЕННАЯ БОЧКОТАРА

— Как вы оцениваете здешний книжный рынок: соотношение ширпотреба, литературы для профессоров и книг для интеллигентного читателя?

— Можно было предположить, что с прекращением существования больших советских издательств в России вообще прекратится всякая литературная жизнь. Но этого не произошло. Книги издаются. И не только кошмарная рыночная массовая продукция — этого добра и в Америке хватает, просто там это носит другой характер. Но все-таки здесь выходят и серьезные книги. Правда, это очень хаотичный процесс, за которым невозможно уследить ни автору, ни читателю. Пока еще нет специализированных книжных магазинов, адресованных определенному кругу читателей.

— В Америке они есть?

— В Америке мы знаем, что дерьмо в ярких обложках продается в больших супермаркетах, в аэропортах и на вокзалах. Но при этом существует и огромная сеть книжных магазинов, где эту продукцию не принимают. Думаю, и у нас к этому придет. Произойдет размежевание рыночной и творческой литературы.

— Сталкивались ли вы здесь с книжным пиратством?

— О да! Несколько книг у меня было издано совершенно возмутительным образом.

— Без вашего ведома?

— Было и так. Но иногда даже случалось, что подписывался договор, который никто не собирался выполнять. Например, в Симферополе в 92-м году группа вроде бы интеллигентных людей издала "Остров Крым". И пользуясь тем, что Крым стал отдельной формой, иностранным государством, они мне не заплатили ни копейки. Сведений о продаже книги у меня нет — где они ее продают, как продают? Или года три назад в Сибири издали один из моих детских романов двухсотпятидесяти тысячным тиражом. И до сих пор я не видел ни одного экземпляра. Издавала меня и какая-то пиратская фирма в Баку, отправляя тиражи на Дальний Восток.

Да и здесь бываю такие вещи, когда начинается все замечательно... У меня в прошлом году вышел пятитомник. Издал Его Максим Шенгелевич, вроде бы симпатичный интеллигентный человек. Фирма называлась "Торговый дом "Юность". Была презентация в очень престижном месте — в галерее "Дом Нащокина", на которой замечательные люди произносили красивые тосты. Потом все это обернулось гадким фарсом. Тираж не был опечатан, бумага, которую получили специально для этого издания, была куда-то продана, вместо этого стало издаваться что-то другое. Уж не говоря про выплаты гонораров, которые были остановлены. И в результате получилось нечто озорное. Никто не может достать этого разрекламированного пятитомника. В то же время он продается в Америке и Израиле. Сколько и как продается — опять-таки никому не известно. А Шенгелевич уверяет, что он сам ничего не знает.

В этой ситуации надо очень жестко следить за авторскими правами. Необходимы агентства, которые осуществляли бы контроль за их соблюдением. Нужен такой механизм, благодаря которому издатель понимал бы, что ему не сойдут с рук любые теневые действия.

АПЕЛЬСИНЫ ИЗ МАРОККО

— Чему вы учите своих студентов?

— Я веду два семинара, которые сам формулирую и разрабатываю из года в год. Один семинар культурологический — по русскому модернизму и авангарду начала века. Там присутствует не только литература, но и визуальное искусство, и театр, и кинематограф, и архитектура, и дизайн. А второй семинар сугубо литературный. Он называется "Гоголиана, сюрреализм и гротеск". Начинать мы с работ Бахтина о Рабле, о смеховой культуре, а потом переходим на Гоголя. А заканчиваю современностью.

— Каков американский студент?

— Это люди разные. Кто-то из них интересуется предметом преподавания, кто-то только отметкой. Есть очень хорошие студенты — очень умные, жаждущие знаний. И это не только американцы. В группе по авангарду у меня очень много ребят с Ближнего Востока — арабы, турки, греки. Особенно интересуются Россией иранцы — персы. Им там запрещают изучать Россию. Они говорят, что пользуются преимуществами западного образования, чтобы узнать больше о России от русского писателя.

— По-видимому, американские студенты народ очень раскованный?

— В некотором смысле — да. Но они колоссальные работяги, что сильно отличает их от американских студентов 60-х — 70-х годов. Они платят деньги за свою учебу и хотят получать за это продукт. То есть они нормально занимаются. Потом, после занятий, они переворачивают свои кепки козырьками назад, вставляют в нос колбаса, влезают в рваные штаны и балдеют под какой-нибудь рок-н-ролл. Но прежде всего это очень, я бы сказал, деловые ребята. И, конечно, они свободны...

Встречаются среди них и очень забавные экземпляры. На первом занятии я обычно спрашиваю, почему каждый из студентов хочет изучать русский язык. И вот сидят рядом два друга, это было еще в 80-е годы, и один говорит, что хочет делать мировую революцию. А его товарищ хочет работать в ЦРУ. И это два закадычных друга! Очень забавные ребята.

— Следовательно, и среди прагматиков встречаются романтические натуры?

— То, что американцев называют сугубыми прагматиками — абсолютнейшая чуш! Конечно, там масса прагматиков. Но это все равно, что сейчас сказать: русские — это народ гангстеров. У нас же сейчас их много. Нет, американцы совсем не прагматичны. Они действительно потребители. Очень любят тратить деньги. Они все в долгах. У них вся система держится на том, что каждого гражданина США втягивают в долги. И при всем при том там есть очень интересные молодежь. И потом там очень высокая культура. Это уже сверхцивилизация, постиндустриальное общество. Вот такой, скажем, парадоксальный факт: потребление классической музыки там опередило попмузыку.

— Наш Никита Сергеевич помнит, говорил: "Догнать и перегнать". Но не получилось.

— И не стоит стараться, по-моему. Надо просто жить и работать. Надо чувствовать себя в одном мире. В те годы шутили: "Догнать-то мы Америку можем, а перегнать не можем. Потому что тогда нашу голову задницу увидят!" Не надо стараться, надо просто жить рядом. Соединство с Америкой приносит благосостояние.

Встречался Владимир ТУЧКОВ.
Фото Владимира БОГДАНОВА.